

Петр Андреевич Толстой как переводчик

Петр Андреевич Толстой — государственный деятель и дипломат — оставил по себе значительное письменное наследие. Его карьера следует политическим поворотам эпохи. В 1665–1669 гг. он служил при своем отце, Андрее Васильевиче Толстом, на Украине, где принимал участие в обороне Чернигова от гетмана И. М. Брюховецкого. В 1677 и 1678 гг. участвовал в Чигиринских походах, а в 1696 г. — во втором, победоносном, Азовском походе [Путешествие стольника..., с. 254–255]. С 1697 по 1699 г. по поручению Петра I он путешествовал по Европе, где в Италии изучал морское дело. От этого периода жизни до нас дошел путевой дневник Толстого — его собственноручное описание жизни в Италии и всего того, что он видел в этой стране и в других европейских странах, от Польши до Долмации.

С 1702 по 1714 г. Толстой находился в Османской империи, куда был послан Петром I в качестве первого постоянного российского представителя. В этот период им были составлены статейные списки — подробные отчеты за каждый год пребывания русского посольства в Стамбуле (1702–1709), представляемые государю. Важно подчеркнуть, что Толстой попал в Турцию вскоре после русско-турецкой войны 1686–1700 гг., одним из итогов которой стало создание русского военно-морского флота [Гуськов, Кочегаров, Шамин]. Не случайно поэтому в соответствии с негласной инструкцией, полученной Толстым от Петра I, одной из важнейших задач русского посланника в Стамбуле стал сбор сведений об османской армии, флоте и крепостях, а также о населении, государственном управлении, об отношениях Порты с другими государствами. Эта задача решалась им как в собственных сочинениях, отправленных им в Посольский приказ, («Описание Черного моря» и «Состояние народа турецкого»), так и в переводе.

В период пребывания в Османской империи Толстой перевел итальянскую версию сочинения П. Рико «The History of the Present State of the Ottoman Empire», озаглавив ее «Гистория управления настоящего Империи Оттоманской». Однако его перевод с определенными исправлениями был напечатан лишь в 1741 г. в Санкт-

Петербурге под названием: Рикот П. Монархия турецкая, описанная чрез Рикота бывшего аглинского секретаря посольства при Оттоманской Порте. Переведена с польского на российский язык. СПб.: Тип. Акад. наук, 1741. Этапы развития истории текста перевода реконструированы С.И. Николаевым [Николаев, 1988; Николаев, 2010].

С.И. Николаев указал на две сохранившиеся рукописи перевода, озаглавленные «Гистория управления настоящего империи Оттоманской». В рукописи БАН 31.3.22 на л. 262 об. имеется приписка о том, что перевод выполнен с итальянского языка на русский «сиятельнойшим графом... Петром Андреевичем Толстым в Цареграде». В 1724 г. эта рукопись была представлена в Синод. При подготовке к печати была изготовлена наборная рукопись БАН 34.5.28. Она содержит два слоя правки, один из которых принадлежит сыну Толстого Ивану. Однако печать книги была остановлена в 1727 г. и отослана для допечатания в Академию наук. На последнем этапе подготовки перевода к печати текст его был отредактирован А.И. Богдановым по польскому оригиналу, а имя переводчика на титульном листе не указано.

Важно отметить, что тематика переведенного сочинения П. Рико во многом перекликается с тематикой подготовленных Толстым донесений, что делает необходимым сопоставление этих текстов на лингвистическом уровне. Перевод «Гистории управления настоящего Империи Оттоманской» должен рассматриваться как существенная составная часть решения возложенной на Толстого задачи представления и систематизации сведений об Османской империи.

Упоминание о том, что Толстой перевел книгу с итальянского языка, содержится в переведенном И.Ю. Ильинским сочинении Д.К. Кантемира «Книга Систима, или Состояние мухаммеданския религии», которая была издана в Санкт-Петербурге в 1722 г.: «его же книгу, Господи́нь Петръ Андрѣевичъ Толстои, бывъ при Портѣ Отманскои, полномочнымъ Посломъ, съ Итали́анскаго языка, на простой Рускаго Діалекта штіль преведе (кн. 6, гл. 32)¹. В этом замечании дается характеристика перевода Толстого как выполненного на «простой русский диалект». Между тем в сопроводитель-

¹ *Кантемир Д.К.* Книга систима или Состояние мухаммеданския религии / Напечатана повелением его величества Петра Великаго императора и самодержца всероссиискаго. В типографии царствующаго Санктпитебурха, 22 дек. 1722. С. 338–339.

ном письме Ф.А. Головину 1706 г. сам Толстой характеризовал свое описание Черного моря как «книгу на славянском языке» [Зайцев, Орешкова, с. 47]. Характеристики языка обоих сочинений не являются диаметрально противоположными, так что, по всей вероятности, «русский» и «славянский» в данном случае следует рассматривать как синонимы (ср. [Успенский, с. 388]).

После возвращения в Россию в 1714 г. Толстой служил в Посольской канцелярии, участвовал в дипломатических переговорах. В 1716 г. как советник он сопровождал Петра I в поездке по Европе [Путешествие стольника... с. 259]. Таким образом, карьерная траектория Толстого при Петре I была в большей степени военно-дипломатической, чем собственно придворной. Это обстоятельство должно было отразиться на его языковой практике.

Следует отметить, что нам практически ничего не известно о раннем этапе образования Толстого. Его отец Андрей Васильевич был окольничим. Вероятно, его сыновья получили традиционное домашнее образование, куда входило, видимо, начальное изучение церковнославянского языка по церковным книгам. Существует гипотеза, согласно которой П.А. Толстой следовал нормативным установкам, представленным в московской редакции грамматики М. Смотрицкого [Соколов, Малышева, 2019, с. 36], однако не имеется никаких данных относительно знакомства будущего дипломата с этим трудом. Можно предположить, что в целом источником лингвистических компетенций Толстого являлся его читательский опыт. Высказывались также мнения о том, что в 1670-е гг. Толстой вращался в кругу интеллектуалов, сблизившись с Симеоном Полоцким, Карионом Истоминым, Сильвестром Медведевым, историками А.Я. Дашковым, Д.Г. Черкасским, А.И. Лызловым [Путешествие стольника..., с. 254]. Неясно, однако, в какой мере и как это предполагаемое сближение повлияло на его язык. Вместе с тем Толстой, скорее всего, был знаком с книгой Лызлова «Скифская история», которая сразу же после ее создания в 1692 г. разошлась в большом количестве списков.

Некоторые детали позволяют предполагать знакомство Толстого с польским языком. Будучи в Ченстохове во время своего путешествия по Европе, Толстой описывал «монастырь каменной», в котором находится почитаемая и католиками, и православными икона Пресвятой Богородицы, заметив: «Хотящаго же ведать подлинно о том святом Пресвятыя Девы образе и о чудесех, от него бывающих, отсылаю до чтения гистории печатной на полском

языке о том святом образе и о чудесах, от него бывающих». Издатели «Путешествия» установили, что имеется в виду книга: Ambroży Nieszporkowicz. *Odrobiny stołu krolewskiego, abo historia o cudownym obrazie Naświet. Panny Maryey Czesłochowskiej.. W drukárni F. Cezarego, 1683 (2-е изд. там же, 1686 г.) [Путешествие стольника..., с. 331, примеч. 94]. В том же монастыре он особо отмечает наличие польских и латинских книг: «В лавках есть товаров немало, а паче всего много книг латинских и полских всяких печатных» (цит. по: [Путешествие стольника..., с. 31]). В его оригинальных сочинениях, как и в переводе «Гистории», немало лексических полонизмов, при этом они не представляют собой вкрапления, многие из них являются давними заимствованиями.*

В языке перевода «Гистории» встречаются хорошо освоенные русским книжным языком лексические полонизмы, в частности, *законникъ* ‘священник, монах’, *казнодѣи* ‘проповедник’ *наприкладь* ‘например’, а также *уживати* для перевода итал. *godere* ‘наслаждаться, пользоваться, иметь, обладать’ (<u>żywać ‘использовать, применять, употреблять, прибегать, наслаждаться’). Лексема *уживати* ‘пользоваться, использовать’ встречается уже в переводе ГБ 1499 г. (Иудифь 3:6). Она активна в языке XVII в. (отмечается, в частности, у И. Пересветова, а также в Римских деяниях) [СлРЯз XI–XVII вв., с. 247]. Неудивительно поэтому ее неоднократное употребление в языке Толстого, чей стиль письма сформировался во второй половине XVII в. Вероятно, ко времени, когда производилась правка, эта лексема была сочтена архаичной и несколько раз глоссирована нейтральной лексемой *употреблять*. Это изменение отражено в печатном русском тексте (только в одном случае в одном из контекстов не произведена замена, видимо, случайно).

Толстой владел латынью. В 1704 г. по просьбе капудан-паши Османа он составил проект договора о торговле по Черному морю на латинском языке [Зайцев, Орешкова, с. 39]. Он соотносил латинские богослужебные тексты с церковнославянскими, приводя перевод темы проповеди в монастыре в Опаве: «Потом, отпустя обедню и причастя всех причастников, сказал казание езувита, на катедре стоя... Того казания тот казнадей, помяннный езувита, положил тему семи словесы святого Иоанна Богослова, написанными в Святом Евангелии: “Аще аз не иду, утешитель не придет”» (цит. по [Путешествие стольника..., с. 34]; ср. Московская Библия 1663 г.: «аще бо не иду азъ, оутѣшитель не прїидеть к вамъ» (Ин. 16:7, л. 469 об.)).

Обращает на себя внимание, что и историк Лызлов, ровесник Толстого, был обучен латыни и польскому языку. Вероятно, единственным местом в Москве, где можно было познакомиться с этими языками, был Андреевский монастырь: известно, что Федор Ртищев, учившийся у Епифания Славинецкого, был интеллектуально связан с православными элитами Польши и Украины. И Толстой, и Лызлов могли посещать монастырь в первой половине 1670-х гг.

Выделим несколько явлений, значимых для описания языка переводов Толстого. Сопоставление оригинальных текстов Толстого с переводом «Истории» показывает общность авторских приемов в обоих случаях, и в то же время демонстрирует определенные различия, обусловленные разницей характера двух текстов — оригинала и перевода. У Толстого нет ограничения на употребление заимствований не только польского происхождения, но и от латинских корней. Он свободно употребляет итальянские заимствования, в случае «Истории» передавая итальянские особенности произношения, которые потом правились (непоследовательно) редакторами [Соколов, Малышева 2021, с. 189]. В «Состоянии народа турецкого», например, есть заимствование флота (ж.р.) > итал. *flotta* (а не флот > франц. *flotte*). Вместе с тем фонетической передачи итальянских заимствований там нет.

Примечательно, что в «простом штиле русского диалекта» находится место конструкциям, восходящим к разным регистрам. С одной стороны, в нем представлены книжные конструкции (во) еже (бы) с инфинитивом, Асс. *cum inf.*, которые по происхождению являются кальками оборотов классических языков, вошедшими в церковнославянские грамматики. С другой стороны, здесь отмечаются конструкции с повтором референта при относительном местоимении *который*. Это явление обусловлено в текстах более раннего периода двояко: подобные конструкции есть в приказном языке и в переводах с польского языка, где они воспроизводят аналогичные конструкции оригинала [Пентковская, Бабаева, с. 141–148]. В «Истории» они не находят параллелей ни в итальянском оригинале, ни в польской версии, и поэтому можно считать, что их употребление у Толстого связано именно с деловым языком. Частотны такие конструкции и в оригинальных произведениях Толстого. В переводе «Истории» зафиксировано также употребление частицы *de* для выражения эвиденциальности того же происхождения. В нескольких случаях в переводе «Истории»

калькируются конструкции с глаголом *avere*, входящим в качестве вспомогательного в разные временные формы (имеемъ сказано — *habbiamo detto*, ср. в польск. переводе (to) *com powiedział*). Такого рода конструкции не отмечаются в оригинальных текстах Толстого. Типологически они напоминают одну из разновидностей перфекта (перфектоподобных конструкций), встречающуюся в разных славянских языках.

Таким образом, язык Толстого-переводчика включает в себя элементы, восходящие как к деловому языку, так и к церковнославянской системе. Очевидно, использование таких конструкций составляло часть его лингвистической выучки. «Гистория» до редактуры демонстрирует одну из разновидностей русско-церковнославянского языка петровской эпохи, дальнейшая эволюция которой состояла в постепенном устранении маркированных церковнославянских элементов. Однако в язык самого Толстого они входили вполне органично, и, очевидно, его представления о том, каким должен быть литературный русский язык, принципиально не исключали их употребления.

Литература

- Гуськов А.Г., Кочегаров К.А., Шамин С.М. Русско-турецкая война 1686–1700 годов. М., 2022.
- Толстой П.А. Описание Черного моря, Эгейского архипелага и Османского флота / сост. И.В. Зайцев, С.Ф. Орешкова. М., 2006.
- Николаев С.И. Об атрибуции переводных памятников Петровской эпохи // Русская литература. 1988. № 1. С. 162–172.
- Николаев С.И. Толстой Петр Андреевич // Словарь русских писателей XVIII века: в 3 т. Т. 3. СПб., 2010. С. 253–254.
- Путешествие стольника Петра Андреевича Толстого по Европе 1697–1699 / издание подготовили Л.А. Ольшевская, С.Н. Травников. М., 1992.
- Пентковская Т.В., Бабаева Е.Э. Перевод Корана Петровской эпохи. М., 2022.
- СлРЯз XI–XVII вв. Вып. 31. М., 2019.
- Соколов А.И., Мальшева И.А. «Монархия Турецкая» в переводе П.А. Толстого как источник изучения русского языка XVIII века // Вестник Московского педагогического института. Серия: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2019. № 4 (36). С. 34–43.
- Соколов А.И., Мальшева И.А. Тюркизмы в одном из ранних русских переводов XVIII века // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2021. 18(1). С. 187–201.
- Успенский Б.А. История русского литературного языка. М., 2002.

Работа написана при поддержке гранта РНФ № 23-28-00314 «Языковая личность в Петровскую эпоху: П.А. Толстой как переводчик».